

Аксиологические основания рисков социального участия в условиях глобализации

Статья рекомендована Т.В. Ершовой 18.09.2016.

ОГОРОДНИКОВ

Александр Юрьевич

Кандидат философских наук, доцент кафедры философских и социально-экономических дисциплин Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина

ЧУРИН

Владимир Владимирович

Кандидат философских наук, доцент кафедры социальной и педагогической информатики Российского государственного социального университета

Аннотация

Статья посвящена анализу сущности противоречий, характерных для процесса самоорганизации мировой суперсистемы на современном этапе ее развития. Акцент делается на фундаментальных антропологических и социальных рисках, обусловленных растущим рассогласованием между сущностными потребностями человека и социальными запросами на отдельные человеческие качества. Авторы раскрывают причины снижения социальной ответственности индивидов, все большей непреднамеренности в конструировании социальной реальности, предлагают стратегию преодоления противоречий глобализирующегося мира на основе становления иерархии ценностей, ядром которой выступают бытийные ценности.

Ключевые слова:

глобализация, социальные риски, бытийные ценности, социальная активность.

В эпоху глобализации социальное пространство, воспринимаемое индивидом, расширилось до масштабов всего человечества. Актуальной средой обитания становится мировая система, а не отдельные общества, государства, регионы. Переживания социокультурных феноменов теперь вызваны не индивидуальным, а обобщенным опытом через полученную извне информацию. Человек стал воспринимать социальное бытие как сложное и недоступное для целостного представления. Проекция своих действий и решений на ставшее непонятным социальное пространство сопряжена с множеством непредвиденных последствий, которые повышают степень риска социального участия. В результате индивид отказывается от осмысления единства доступного для восприятия мира во всем его многообразии.

В то же время именно сегодня значительное антропогенное влияние на окружающий мир, сложность и интенсивность социального конструирования требуют от человека осмысленности действий, дискурсивной осведомленности и рациональной рефлексии многомерных процессов в их взаимосвязи, способности прогнозировать и последовательно проектировать свои действия в глобальном масштабе.

Многие мыслители современности подчеркивают жесткую зависимость индивида от техногенной и социально-экономической среды, управлять которой становится все сложнее. Эта среда, по их мнению, порождает непредвиденные риски, угрозы вплоть до гибели всего человечества. Образуется система «преступник–жертва», где в роли преступника выступает технологическая система, а в роли жертвы, то есть объекта, — человек–человечество. В этом мы видим принципиальную

методологическую ошибку такого подхода. Возможно, в его основе лежит субъект-объектная дифференциация мира в рационализме западноевропейской мысли. Техногенная среда, мировая экономическая система, инфраструктура глобализации создается человеком, актуализирующим как объективную необходимость, так и субъективные потребности. В роли социального инженера здесь выступают лишь отдельные индивиды, но в роли воспроизводящей силы — все, кто участвует в глобализационном процессе. Человек становится жертвой техники, создавая условия, в которых потребность в технике оказывается центральной, а человек-человечество становится жертвой техногенной сферы, когда в иерархии ценностей материальное производство занимает вершинное положение. Таким образом, борьба разворачивается не между техногенной сферой и человеком, а за самого человека, способного к саморазвитию и саморефлексии на основе иерархии ценностей, соответствующей его сущности.

Рассмотрим фундамент противоречий, способствующих воспроизводству глобальных рисков, а затем обратимся к факторам их преодоления.

Противоречие между проектированием личностного и социального пространства возникает на стадии генезиса ценностей и коренится в убеждениях, мировоззрении, базовых социальных ориентациях индивида. Образующая на их основе социальность позволяет определять, какие явления в социальном бытии соответствуют сущностным потребностям, наклонностям и стратегии самореализации индивида, соотносятся с личностным видением социальной реальности, а какие, напротив, представляют опасность для человека.

Погружаясь в индивидуальное бытие (учебу, профессиональное становление, рутинные дела и обязанности, регулярные контакты с окружением и др.), человек осмысливает объективный исторический процесс в наиболее абстрактной, расплывчатой форме. Динамика масштабных социальных процессов воспринимается как нечто отдельное от личной жизни, их маркеры вовремя не улавливаются, а ответственность кажется бессмысленной, т.к. не ощущается связь общезначимого с вектором частной жизни. Однако общественные процессы подспудно влияют на жизнь членов общества, требуя привести индивидуальное существование в соответствие требованиям истории. В этих условиях риск постановки недостижимых и бессмысленных жизненных целей увеличивается.

Такому поверхностному пониманию общественного развития, подмене субъектного, волевого социального участия конформистской включенностью могут способствовать как граждане, так и государство. Индивид отказывается от выдвижения долгосрочных стратегий и долгосрочного проектирования жизненного пространства на основе идеалов. Для личности снимается напряжение между ожидаемым должным, которое может и не наступить, и противоречивым сущим, но привычным бытием, в котором осмыслены основные стратегии адаптации и достижения успеха. В результате индивид пассивен в своем духовном развитии, в достижении высших потребностей, в том числе самореализации в самоорганизующихся структурах гражданского общества.

Социальная природа человека требует включенности в группу, поиска своего места в ней. Со временем формируется социальная вертикаль, представляющая собой набор идентичностей человека — индивидуальной, семейной, групповой, этнической, региональной, национальной, гражданской, цивилизационной, общечеловеческой. Идентификацию можно представить себе как

процесс выхода индивида из своей внутренней замкнутости в окружающий мир, когда индивид осознает, что он является частью этого мира. Вначале ребенок переживает свою родственную связь с родителями, другими членами семьи, родственниками, затем, взрослея, отождествляет себя с людьми и природой того места, где он родился и живет, постепенно отождествление переходит на социальную группу, к которой он относится по своему рождению. С выходом в самостоятельную жизнь отождествление расширяется до общества, народа, государства, до человечества в целом.

Каждый уровень этой вертикали уже включает в себе основные ценности, необходимые для формирования следующего уровня. Например, семейная идентичность способствует формированию конкретной семьи. Для этого необходимо выстроить границу с другими, выявив степень общности внутри группы. Отличия от других могут быть ранжированы и по-новому переработаны внутри следующего уровня — этнической идентичности. Она включает в себя не только кровнородственные связи (представление об общем происхождении), экономический и географический факторы, но и культурный элемент (общность языка и истории). Признаки и отличия этнических групп позволяют сформировать представление об общих свойствах для регионального самоопределения, и так далее. Определение себя, своей группы как части более широкой системы обеспечивает возможность более эффективного функционирования каждого отдельного элемента и системы в целом. Высшей ступенью развития социальной идентичности можно считать глобальное общество. Однако реализующаяся модель глобализации приводит к упрощению вертикали идентичностей. Формирование общечеловеческих черт отвечает лишь одному требованию — всеобщности, которая представляется максимально простой.

Общее для всех людей кроется в природе человека. Каждый из нас зависим от некоторых потребностей. Для удобства обратимся к пирамиде потребностей А. Маслоу, который выделял пять уровней человеческих потребностей. Физиологические и экзистенциальные свойственны человеку как представителю животного вида. Далее следуют социальные, т.е. потребность быть частью общества, и престижные, т.е. желание занять высокое место в группе. Венчает пирамиду Маслоу потребность самоактуализации. Именно верхняя ступень пирамиды отличает человека. Первые четыре уровня — это «дефицитарные» потребности, ведь животные, живущие стаями, также обладают потребностью быть в коллективе, а высокое положение в группе обеспечит им больше ресурсов. Но пятый уровень характеризует потребность роста, подлинно человеческую потребность. Для Маслоу самоактуализировавшийся человек постоянно находится в процессе самостановления, является частью социально-исторического процесса, привязан к культуре.

Попытка уравнивать ценности по лекалам глобализации приводит к упрощению культурного многообразия, акцентирует внимание на «общечеловеческих» животных потребностях. Неслучайно в средствах массовой коммуникации культивируются сюжеты, потакающие страстям человека. Удовольствие становится главным мотивом деятельности. Искания цивилизационной самобытности и бытийного смысла оказываются сложны для восприятия массового зрителя, не имеют коммерческого успеха, а потому не интересуют глобальное общество.

В среде государственного управления также есть заинтересованность в индивидуальной пассивности и в расплывчатости моделей общественно-го устройства и идеалов. В этих условиях легче управлять, применяя простые технологии, проще прогнозировать результаты управленческого воздействия в краткосрочной перспективе, реализуя свои частные интересы, которые представляются как общезначимые. Снижается необходимость применения сложных методов социального управления. При этом индивид не способен четко оценить политические цели и программы из-за несформированности объективных критериев общественных потребностей. Опыт, традиции, социальные тренды врываются в личную жизнь только под воздействием сильных личностей, обладающих авторитетом, волей и социальной притягательностью. Соприкосновение частного и социального в условиях размытых идеалов привязано к отдельной проблеме, событию и происходит дискретно, не наполняя жизнь в целом общезначимыми смыслами.

В условиях глобализации данное противоречие усиливается, так как теперь необходимо осмыслить все многообразие мирсистемных процессов и сделать их «своими», понять степень, смысл и ценность причастности к этим процессам, чтобы повысить долю субъектного, ответственного и конструктивного участия. Неполнота охвата сознанием бытийных процессов опасна и для общества, и для индивида, поскольку приводит к социальной пассивности и даже к деструктивным действиям. Опасность заключается в риске упрощения системы под предлогом взаимопонимания, ради нивелирования социокультурных различий и отчуждения индивида от национальной культуры как «устаревшей», «не соответствующей духу» времени и принятия бессодержательной глобальной культуры.

Доминирующая теоретическая модель глобализации внедряет в массовое сознание упрощенный, поверхностный подход, в котором единство достигается стиранием различий, приведением восприятия мира к одной доступной для всех простой модели. Однако такое упрощение и унификация элементов системы делают ее не только неспособной к развитию, но и к адаптации, приводя институциональный порядок в состояние диссонанса с внешней средой, усиливая процессы не порядка, а хаоса. В результате стимулируется структурирование ценностей по двум уровням — актуальному, интегрирующему индивида в наличные социальные общности и процессы (взаимоподдержка, поддержание значимости и определенности социального участия), и латентному, связанному с устойчивой самоидентификацией личности, оценкой тождественности индивидуального и социального бытия, возможных масштабов самореализации в реальных социальных отношениях. Расхождения и противоречия между иерархиями ценностей этих двух уровней — фундаментальная причина неспособности управлять мирсистемными технологическими и социально-экономическими процессами.

Указанное противоречие затрагивает сущностные свойства человека: свободу принятия решений, чувство целостности и единства социальной общности, творческие способности субъектного конструирования социальной среды и в конечном счете способность осознавать мир как целое.

Во-первых, в условиях расширения степеней свободы социального участия конструировать социальное действие в соответствии с потребностями

социума и индивида становится все сложнее. Способность выявлять всеобщие закономерности развертывания трендов социальных трансформаций основана на выработке внеситуативных критериев соответствия явлений окружающего мира сущностным потребностям человека и общества. Незрелость этих критериев существенно повышает непредсказуемость социального участия, так как мешает представить процессы социальных изменений в их целостности, борьбу за господство в социальном пространстве. Например, воздействия, нацеленные на разрушение основ государственности, могут принимать различные формы — тысячелетней религиозной экспансии католической церкви, крестовых походов, средневековых ересей, религиозных и социально-экономических реформ, пугачевского бунта, восстания декабристов, революционных движений, обострения отношений между странами. Все эти события имеют общие корни, причины и цели.

Во-вторых, неспособность выстроить единую последовательность событий в целостный исторический процесс ведет к фрагментарности осмысления как исторического прошлого, так и современной социальной ситуации, что способствует возникновению очагов противоречий, поскольку каждое явление воспринимается, исходя исключительно из его формальных свойств и внешних проявлений. Усиливается слаборефлексируемое ощущение угрозы будущему, связанное с представлением о непредсказуемости социальной динамики. Русская философия всегда утверждала важность целостного подхода к исследованию мира, общества, любых отдельных явлений, установления связи частного события с фундаментальным процессом развития мира. Целостный подход предполагает не только разработку совершенной теории познания, преодоление узкого рационализма, господствующего в западной философии, но и понимание важности такого подхода с точки зрения бытия как отдельного человека, так и общества, государства в целом. Неспособность осмыслить преемственность социальных изменений опасна, поскольку создает неопределенность и непредсказуемость взаимодействий, ведет к нарастанию кризисов в различных сферах, затрудняет самоорганизацию системы. Гражданин оказывается открытым для манипуляции его сознанием.

В-третьих, когда жизнь характеризуется высокой динамикой, новизной, частой модернизацией повседневности, конструированием новых взаимодействий, человек может не замечать снижения субъектности социального участия, поверхностность включенности в институциональные процессы, в которых участвует множество агентов. Но поскольку социальность как активная деятельность по конструированию общества является одним из главных свойств человека, то со временем возрастает неудовлетворенность собой, окружающим пространством, возникает фрустрация и экзистенциальный вакуум. Социум начинает восприниматься как враждебная среда. Неудовлетворенность может приводить к деструктивным жизненным целям, таким как нарушение закона, месть, участие в радикальных движениях и т.д., или к их замещению на иррациональные формы жизнедеятельности (погружение в виртуальную реальность, вовлечение в антисоциальную субкультуру и т.д.). Этим объясняются те психологические состояния, когда потеря смысла жизни разрушает и смыслы повседневной деятельности, приводит к отчаянию, утрате желания жить.

В-четвертых, одним из коренных ценностных противоречий является противоречие в распознавании социальных ценностей и прогнозировании развития общества. В общественном сознании постоянно возникает противоречие между тем, что объективно необходимо обществу и интересубъективно осмысливается социальными группами (объективные потребности), поскольку сегодня не существует методологии выявления социальных ценностей в чистом виде, без личностной или групповой интерпретации. Например, в России существует объективная необходимость сильной личности во власти, которая бы имела приоритет перед любыми управленческими структурами. Но эта потребность входит в противоречие с демократическими принципами, кристаллизованными в ценностных ориентациях многих личностей и групп. Между тем интуитивно большинство граждан понимает такую необходимость, но не осознает ее как общественную потребность.

Преодоление указанных противоречий предполагает выработку у агентов самоорганизации мировой социальной системы новых качеств: способности видеть в каждом явлении его многомерность, противоречивость, вскрывать латентные смыслы локальных явлений, осознавая их связь с глобальными процессами. Такое видение мира мы назвали бытийным сознанием, т.е. сознанием, охватывающим всю целостность бытия и позволяющим человеку оценивать реальность, исходя из этих масштабов. Бытийное сознание выступает как методология осмысления социальных процессов различных уровней, а его развитие позволяет преодолеть множество системных противоречий глобализации, в том числе несовместимость частей мирового сообщества в процессе интеграции. Имеется в виду интеграция на основе бытийного сознания, объединение людей вокруг бытийных ценностей на основе уважения и интереса в противоположность подавлению, упрощению или толерантности (терпеть, но не понимать и признавать). Разнообразие смыслов, множественность оценок и подходов к мирсистемной интеграции не противоречат сохранению уникальности личности и ее социокультурного пространства, а расширяют многообразие системы, не нарушая ее целостности. Создается органичный институциональный порядок, объединенный вокруг единого представления о сущности развития, включающего разнообразные формы его частного проявления. Осознание своей сопричастности историческому процессу, расширение границ ответственности — от семьи до общества в целом, от собственной деятельности до консолидации группы вокруг значимых целей — возможно только при условии развития бытийного сознания, стимулируемого интериоризацией бытийных ценностей.